

**Магнетический сеанс в «Обломове»
(к проблеме исторического времени в романе)**

В статье исследуется семантика одного мотива в романе Гончарова «Обломов», связанного с популярными в 1810–1830-х гг. идеями животного магнетизма (месмеризма). Подобие магнетического сеанса присутствует в сцене объяснения в любви главного героя (ч. 2, гл. 5). Ситуативно слабо мотивированный на фоне психологически убедительных подробностей этот мотив в романе, опубликованном в 1859 г., может быть воспринят как культурный анахронизм. Представленный в статье историко-культурный контекст создает основу для его адекватного истолкования. Преобладающее в романе бытовое, циклическое время и принцип широкой генерализации допускают присутствие в тексте реалий, относящихся к разным временным эпохам. Магнетический сеанс, помимо прочего, актуализирует проблему воли и безволия. Мысль о невольном, не поддающемся объяснению подчинении чужой воле, не обязательно персонифицированной, лежит в глубине романной онтологии, позволяя говорить о присутствии в нем предэкзистенциалистских мотивов.

Ключевые слова: Гончаров, «Обломов», семантика мотива, животный магнетизм (месмеризм), историко-культурные реалии, время в романе.

Anna Grodetskaya

**Magnetic Session in "Oblomov"
(on a Problem of Historical Time in the Novel)**

The article presents the analysis of single motif in Goncharov's «Oblomov», connected with the magnetic myth (mesmerizm), popular in 1810–1830th. A similarity of magnetic session is presented in the scene of declaration of love of the protagonist (part 2, ch. 5). Poorly situationally motivated against the psychologically convincing details this motif can be apprehended as a cultural anachronism in a novel, published in 1859. Wide historical and cultural context, presented in the article, gives a base for its adequate interpretation. The prevailing domestic, cyclical time and the principle of broad generalization in the novel allow the presence in the text of realities, relating to different time periods. Magnetic session, among other things, actualizes the problem of will and lack of will. The idea of involuntary, unexplainable submission to alien will, which may be not actually personified, is one of deep ideas of the novel's ontology, allowing to speak about the preexistentialist motifs in it.

Key words: Goncharov, «Oblomov», motif semantics, animal magnetism (mesmerism), historical and cultural realities, time in the novel.

В гончаровской «Обыкновенной истории» мотивы бегства от низкой *существенности* в поэтический мир *мечты, избранничества, симпатии души*, акцентированные иронией Адуева-дяди, не раз рассматривались и комментировались как компоненты романтического мифа, оформляющего подражательно-цитатную систему ценностей младшего Адуева. «Запоздалый романтик» Александр Адуев мыслит категориями, утратившими культурную актуальность. Мифология Ильи Ильича – иной природы. В его летнем романе («поэма изящной любви») как будто нет элементов романтического мифа, однако в сцене объяснения Обломова с Ольгой Ильинской во второй части романа (гл. 5) возникает достаточно неожиданный мотив магнетизма, который может быть отнесен к той же категории сигнальных мотивов с заданной семантикой и функциями, что и названные выше.

Вспомним, как влюбленный Обломов смотрит на Ольгу: «Он в самом деле смотрел на нее как будто не глазами, а мыслью, *всей своей волей, как магнетизер*, но смотрел невольно, не имея силы не смотреть» [5, с. 198; курсив мой. – А. Г.]. Герой пытается объяснить собственное состояние: «“Да, я что-то добываю из нее, – думал он, – из нее что-то переходит в меня. У сердца, вот здесь, начинает будто кипеть и биться... Тут я чувствую что-то лишнее, чего, кажется, не было...”» [5, с. 199].

В этом эпизоде воскрешен известный магнетический миф, связанный с чрезвычайно популярными в России в 1810–1830-х годах идеями животного магнетизма (месмеризма). Явление получило название по имени открывшего и обосновавшего его австрийского врача Франца Месмера (1733–1815). Согласно его теории, воздействие планет на тело и психику человека осуществляется посредством тончайшей, подобной эфиру, повсеместно разлитой жидкости. Первоначально Месмер уподобил это влияние электричеству, позднее связал с действием магнита, назвав животным магнетизмом [7, с. 72–76; 8, с. 132–151]. Месмеризм, быстро вошедший в моду, соединил научные идеи времени с элементами мистики, веры в ясновидение и прорицание.

Увлечению месмеризмом русская литература отдала обильную дань. С. М. Громбах, автор исследования «Пушкин и медицина его времени», указал в качестве примеров романы А. Погорельского (А. А. Перовского) «Магнетизер» (1830) и Н. И. Греча «Черная женщина» (1834), сослался также на черновую редакцию повести Гоголя «Нос» (1833–1835), где имелось выразительное свидетельство: «Тогда умы всех именно настроены

были к чрезвычайному: недавно только занимали публику опыты действия магнетизма» [8, с. 140]. Любопытно и приведенное исследователем признание в записках Ф. Ф. Вигеля: «Как не верить силе магнетизма, когда видишь действие одного человека на другого? Разговор Пушкина, как бы электрическим прутиком касаясь моей... главы, внезапно породил в ней тысячу мыслей, живых, веселых, молодых...» [8, с. 143]. Ученый отметил и то, что долгое время явления магнетизма и электричества (гальванизма) почти не разграничивались, хотя тенденция к их дифференциации в 1830-е годы уже наметилась.

Добавим и еще ряд примеров. Уподобление любви действию электричества и магнетизма было характерно для писателей-романтиков. Показательна, например, дневниковая запись главного героя в «Сильфиде» (1836) В. Ф. Одоевского: «...любовь... растение... электричество... человек... дух» [15, с. 123]. Ставший в 1830-е годы расхожим мотив любви-электричества присутствует в ранних романтических повестях И. И. Панаева. Так, в повести «Спальня светской женщины» (1834) читаем: «*Одна!* это слово электрически объяло его сердце...» [16, с. 27]. Дева в стихотворении В. Г. Бенедиктова «Обновление» (1836) предстает «С электричеством очей / С восхитительною краской / С чистым золотом речей!» [1, с. 114]. Понятие «электричество души» не раз использовал при описании любовных сцен О. И. Сенковский. В «Поэтическом путешествии по белу свету» из цикла «Фантастические путешествия» (1833) главный герой так рассуждает о сладости первого поцелуя: «Она неизъяснима, но я назову ее электричеством души. Она чувствуется только однажды в жизни – и чувствуется сильно, выпренно, молниеобразно <...> она была разлита по всему моему телу, по всей душе, страстям и чувствам, и сама, казалось, говорила через меня» [20, с. 60]. В повести «Любовь и смерть» (1834) страстной любви героев, которая «сковывала» их, как «волшебная цепь невидимо», диагноз ставит доктор: «Мой доктор утверждал, что все это вещь очень понятная; что это магнетизм, животное электричество, симпатия, восторжение нервного сока: словом, именно то нечто такое, чего ни схватить, ни понять никак невозможно» [19, с. 411]. И еще любопытнее, пожалуй, рассуждения об электромагнетизме черта Бубантеса в «Записках домового» (1835): «...в природе есть теплота, магнитность, свет, электричество, то есть вы знаете, что ничего этого нет в природе, а есть одно вещество, чрезвычайно тонкое, чрезвычайно летучее, которое разлито везде и проникает все тела, даже самые плотные <...> это прекрасное, летучее и незримое пламя, эта электромагнитность имеет тоже свои две противоположности, свое “да” и свое “нет”. <...> Такому разделению свойств дали имя поляризации электриче-

ства. <...> Вот любовь! <...> полы одинаковые отталкиваются, полы различные стремятся друг к другу. <...> Около эпохи совершеннолетия молодой человек и девица начинают вбирать в себя из воздуха летучее вещество и электризоваться...» [20, с. 457, 459–460].

У Гончарова в ранней светской повести «Счастливая ошибка» (1839) мотив электричества возникает как общеромантическое стилевое клише. Повествователь рассуждает о сердце героя, «разбитом, уничтоженном» после ссоры с возлюбленной, «неспособном более к электрическому трепету сладостного чувства» [4, с. 69–70]. Мотив «электрического трепета» подан здесь, в отличие от ряда иронически обыгранных автором жанрово-стилевых трафаретов [4, с. 645–656], без какой бы то ни было иронии. Иронизировать по поводу «электричества души» будет Петр Иванович Адуев в «Обыкновенной истории», прослушав рассказ племянника о его чувствах к Надиньке: «Без сомнения, действие электричества; влюбленные – всё равно что две лейденские банки: оба сильно заряжены; поцелуями электричество разрешается, и когда разрешится совсем – прости любовь, следует охлаждение...» [4, с. 239]. Старший Адуев, холодным сарказмом отрезвляющий племянника, предстает в его романтизированном восприятии демоном-искусителем («А дядя? Зачем смущает он мир души моей? Не демон ли это, посланный мне судьбою?» [4, с. 267]) и соотнесен в тексте романа, что не раз отмечалось, с героем пушкинского «Демона». Вместе с тем в рассуждении о лейденских банках Адуев-дядя выступил в роли, близкой и доктору, и чёрту в названных выше текстах Сенковского. Прозы Сенковского Гончаров не мог не знать, но эта тема в специальной литературе пока серьезного освещения не получила.

С. М. Громбах, на которого мы выше ссылались, отметил, что уже в пушкинскую эпоху, и в текстах самого Пушкина, мотивы, связанные с магнетизмом, звучали иронически, как в известных строках из восьмой главы «Евгения Онегина» (строфа XXXVIII), в рассказе о безнадежно влюбленном, близком к помешательству герое:

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил,
Или не сделался поэтом.
Признаться: то-то б одолжил!
А точно: силой магнетизма
Стихов российских механизма
Едва в то время не постиг
Мой бестолковый ученик [8, с. 142–143].

Иронически подавался мотив электричества и у Гоголя в «Театральном разезде» (1836–1842): «Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?» [3, с. 142].

В сцене объяснения Обломова с Ольгой подробно прописанные психологические детали, казалось бы, вполне убедительны и без упоминания о месмеризме: герою непросто понять и объяснить собственное состояние, труден поиск необходимых слов, непредсказуема реакция Ольги и т. д.

Зачем же, возникает вопрос, появляется здесь мотив животного магнетизма, который в произведении, увидевшем свет в 1859 году, воспринимается как анахронизм, как элемент литературно-книжный и достаточно искусственный? Или анахроничными и отчасти наивными должны предстать сами попытки самопознания Ильи Ильича, вообще не склонного к рефлексии и анализу собственных психических состояний и способного только к использованию *готовых* диагнозов?

Обращение к историко-культурному контексту романа удерживает, однако, от поспешных суждений. Интерес к животному магнетизму в 1840-е годы далеко не угас и поддерживался многочисленными публикациями [9; 10; 11; 13; 18]. У одного из теоретиков и практиков «месмерования» читаем: «Любовь некоторые относят к числу явлений животного месмеризма, оно и правда!.. и нет!... глаза есть первый язык любви <...>. Любовь рождается от двух родов месмерования: от устремления мыслей и влияния зрения одного существа на другое, а потому неоспоримо она есть явление физико-психического животного месмеризма». И далее: «Магнетизер просто становится против месмеруемого и наводит прямо на его глаза и так продолжает действовать во весь сеанс» [10, с. 16, 67].

Современный «Обломову», изданный в начале 1860-х годов толковый словарь пояснял животный магнетизм следующим образом: это «влияние, оказываемое одним человеком на др. посредством прикосновения руками к некот. частям тела, или посредством особых движений, или даже посредством одной воли. <...> Сущность м. ж. <магнетизма животного> объясняют присутствием чрезвычайно тонкой жидкости, подобной электричеству. Большая часть магнетизеров настоящего времени утверждают, что эта жидкость тождественна с жидкостью нервов и что воля, подобно тому как она управляет жидкостью нервов относительно органов движения, может тоже испустить эту жидкость из себя и заставить ее проникнуть в тело др. чел. Они думают, что чрез скопление этой жидкости в челоуеч. теле можно умножить жизненные силы. <...> Для того чтобы

м. ж. оказал действие, необходимо, чтобы магнетизер превосходил магнетизируемого как духовною, так и физич. силою» [14, с. 758–759].

Не забудем, что «Обломов» был задуман Гончаровым во второй половине 1840-х, работа над романом шла долго, первая его часть, законченная вчерне к 1850 году, осталась во многих отношениях автономным текстом. И только «мариенбадское чудо» 1857–1858 годов привело роман не просто к завершению, но в сущности к переосмыслению и пересозданию [2, с. 551–558; 6, с. 13–28]. Сцена объяснения Обломова с Ольгой находится в начале второй части романа, и поэтому, возможно, в ней сохранились следы ранних этапов работы над текстом.

Вследствие длительной работы над текстом и, как результат, склонности автора к широкой генерализации и символизации текстовое время в «Обломове» (как и в других романах), совмещая разновременные слои, приобретает условный характер. И в целом в прозе Гончарова время бытовое, циклическое (М. М. Бахтин), или нравоописательное (Д. С. Лихачев), преобладает над временем линейным, историческим. В этом одна из кардинальных особенностей гончаровского романа, в отличие от, например, романа тургеневского, с его ярко выраженной историчностью. Как в свое время отметил Л. В. Пумпянский, для тургеневской прозы характерна «непрерывная датировка, внешняя и внутренняя». Повествование у Тургенева «точно приурочено к определенным датам, причем автор тщательно заботится о консистентной связи этих дат на всем протяжении рассказа; дело сводится, следовательно, к точной внутренней хронологии и календарю» (ученый ссылается на пушкинскую ремарку в примечаниях к «Онегину»: «...в нашем романе время расчислено по календарю») [17, с. 444]. Исторические реалии в романах Гончарова, в «Обломове» в том числе, относятся к разным временным эпохам, для развития сюжета «внешняя и внутренняя датировка» не актуальны. Начало сюжетного действия в романе, по наблюдению А. Г. Цейтлина, датируется 1843 годом [22, с. 162–164]: «парад гостей» на квартире Обломова происходит в субботу, 1-го мая, каждый из пришедших приглашает Илью Ильича в Екатерингоф, куда ежегодно именно в этот день петербургские жители, следуя сложившейся традиции, отправлялись на городское гулянье. Серединой 1840-х датируется и ряд других историко-культурных реалий (например, использование ассигнаций, полностью изъятых из оборота и замененных на кредитные билеты в 1848 году [6, с. 504–505]), однако в тексте отразились и явления более позднего времени. Архитектоника гончаровского текста не подчинена хронологии календаря, она выстраивается по иным темпоральным зако-

нам, имеет свои структурные циклы и внутренние ритмы [12; 21; 23]. Сюжетное движение в «Обломове», что давно замечено, начинается весной и строится на переходе к лету, осени и зиме, при этом одним из смыслообразующих является мотив «четырех времен года», или «четырех возрастов», с соответствующими литературными аллюзиями [2, с. 665; 6, с. 538–539].

Можно заключить, что *магнетический сеанс* в «Обломове», субъектом и объектом которого становится Илья Ильич (отметим его *двоящуюся* субъектно-объектную функцию), едва ли следует воспринимать как анахронизм. Пассаж о магнетизме лишен какой бы то ни было иронической окраски, хотя, повторим, уже в пушкинскую эпоху мотивы, связанные с популярностью магнетического мифа, редко звучали всерьез.

Стоит добавить, что *магнетический сеанс* является одним из эпизодов, актуализирующих в романе проблему воли и безволия. Едва ли случаен здесь лексический повтор: «...всей своей *волей*, как магнетизер, но <...> *невольно*...». Мысль о невольном, не поддающемся объяснению подчинении чужой воле, не обязательно персонифицированной, лежит в глубине романной онтологии, позволяя говорить о присутствии в нем предэкзистенциалистских мотивов.

Список литературы

1. Бенедиктов В. Г. Стихотворения / вступ. ст. Ф. Я. Приймы; сост., подгот. текстов и примеч. Б. В. Мельгунова. Л.: Сов. писатель, 1983. 816 с. (Биб-ка поэта. Большая сер.).
2. Гейро Л. С. История создания и публикации романа «Обломов» // Гончаров И. А. Обломов: Роман в четырех частях / изд. подгот. Л. С. Гейро. Л.: Наука, 1987. С. 551–650. (Лит. памятники).
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: АН СССР, 1949. Т. 5. 511 с.
4. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. 832 с.
5. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1998. Т. 4. 495 с.
6. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 6. 612 с.
7. Громбах С. М. Месмеризм // Онегинская энциклопедия: в 2 т. / под общ. ред. Н. И. Михайловой. М.: Русский путь, 2004. Т. 2: Л–Я; А–Z. 804 с.
8. Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. М.: Медицина, 1989. 282 с.
9. Долгоруков А. Взгляд на современный ход животного магнетизма в России // Библиотека для чтения. 1845. № 5. Отд. VII. С. 1–10.
10. Долгоруков А. Животный месмеризм. СПб., 1844.
11. Животный магнетизм / с французского. М., 1840.

12. Ильинская Т. Б. Категория времени в романе «Обломов»: (К истории вопроса) // Русская литература. 2002. № 3. С. 38–43.
13. Москвитянин А. Месмеризм, или Нечто о животном магнетизме. СПб., 1840.
14. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. (Справочный энциклопедический лексикон) / сост. под ред. Ф. Толля: в 3 т. СПб., 1864. Т. 2. 1133 с.
15. Одоевский В. Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. литература, 1981. Т. 2. 368 с.
16. Панаев И. И. Первое полное собрание сочинений: [В 6 т.]. СПб., 1888–1889. Т. 1.
17. Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.
18. Рафалович А. О животном магнетизме // Сын отечества. 1842. № 3. Отд. V. С. 45–76; № 4. Отд. V. С. 52–104; № 5. Отд. V. С. 1–60.
19. Сенковский О. И. Собрание сочинений: [В 9 т.]. СПб., 1858–1859. Т. 2.
20. Сенковский О. И. Сочинения барона Брамбеуса / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Кошелева, А. Е. Новикова. М.: Сов. Россия, 1989. 496 с.
21. Тюпа В. И. Солярные повторы в романе Гончарова «Обломов» // Критика и семиотика. Новосибирск, 2010. Вып. 14. С. 113–117.
22. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М.: АН СССР, 1950. 492 с.
23. Borowec Ch. Time after Time: The Temporal Ideology of «Oblomov» // Slavic and East European Journal. 1994. Vol. 38. N 4. P. 561–573.

References

1. Benediktov V. G. *Stikhotvoreniya* [Poetry] / vstep. st. F. Ya. Priimy; sost., podgot. tekstov i primech. B. V. Mel'gunova. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 1983. 816 p. (Bib-ka poeta. Bol'shaya ser.).
2. Geiro L. S. *Istoriya sozdaniya i publikatsii romana «Oblomov»* [The history of creation and publication of the novel “Oblomov”] // Goncharov I. A. *Oblomov: Roman v chetyrekh chastyakh* [Oblomov: Novel in four parts] / izd. podgot. L. S. Geiro. Leningrad: Nauka Publ., 1987. Pp. 551–650. (Lit. pamyatniki).
3. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t.* [Complete writings: In 14 vols.]. [Moscow; Leningrad]: AN SSSR Publ., 1949. Vol. 5. 511 p.
4. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete writings and letters: In 20 vols.]. St. Petersburg: Nauka, 1997. Vol. 1. 832 p.
5. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete writings and letters: In 20 vols.]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998. Vol. 4. 495 p.
6. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete writings and letters: In 20 vols.]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004. Vol. 6. 612 p.
7. Grombakh S. M. *Mesmerizm // Oneginskaya entsiklopediya: v 2 t.* [Onegin's Encyclopedia: In 2 vols.] / pod obshch. red. N. I. Mikhailovoi. Moscow: Russkii put' Publ., 2004. Vol. 2: L–Ya; A–Z. 804 p.
8. Grombakh S. M. *Pushkin i meditsina ego vremeni* [Pushkin and medicine of his time]. Moscow: Meditsina Publ., 1989. 282 p.
9. Dolgorukov A. *Vzglyad na sovremennyyi khod zhivotnogo magnetizma v Rossii* [A Look at Modern Course of Animal Magnetism in Russia] // *Biblioteka dlya chteniya* [Library for Reading]. 1845. № 5. Sec. VII. Pp. 1–10.

10. Dolgorukov A. *Zhivotnyi mesmerizm* [Animal mesmerism]. St. Petersburg, 1844.
11. *Zhivotnyi magnetizm* [Animal magnetism] / s frantsuzskogo. Moscow, 1840.
12. Il'inskaya T. B. *Kategoriya vremeni v romane «Oblomov»: (K istorii voprosa)* [Category of time in the novel «Oblomov»: (To the history of question)] // *Russkaya literatura*. [Russian literature]. 2002. № 3. Pp. 38–43.
13. Moskvityanin A. *Mesmerizm, ili Nechto o zhitvotnom magnetizme* [Mesmerism, or Something about animal magnetism]. St. Petersburg, 1840.
14. *Nastol'nyi slovar' dlya spravok po vsem otraslyam znaniya (Spravochnyi entsiklopedicheskij leksikon)* [Desktop dictionary for reference on all branches of knowledge (Reference encyclopedic lexicon)] / sost. pod red. F. Tollya: V 3 t. St.-Petersburg, 1864. T. 2. 1133 p.
15. Odoevskii V. F. *Sochineniya: v 2 t.* [Writings: In 2 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981. Vol. 2. 368 p.
16. Panaev I. I. *Pervoe polnoe sobranie sochinenij: [V 6 t.]* [The First Complete writings: In 6 vols.]. St. Petersburg, 1888. Vol. 1.
17. Pumpyanskii L. V. *Klassicheskaya traditsiya: Sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [Classical tradition: Collection of works on the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 864 p.
18. Rafalovich A. *O zhitvotnom magnetizme* [On animal magnetism] // *Syn otechestva* [Son of Fatherland]. 1842. № 3. Sec. V. Pp. 45–76; № 4. Sec. V. P. 52–104; № 5. Sec. V. Pp. 1–60.
19. Senkovskii O. I. *Sobranie sochinenij: [V 9 t.]* [Collection of Writings: In 9 vols.]. St. Petersburg, 1858–1859. Vol. 2.
20. Senkovskii O. I. *Sochineniya barona Brambeusa* [Works of Baron Brambeus] / sost., vstup. st. i primech. V. A. Kosheleva, A. Ye. Novikova. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1989. 496 p.
21. Tyupa V. I. *Solyarnye povtory v romane Goncharova «Oblomov»* [Solar repetitions in Goncharov's novel “Oblomov”] // *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. Novosibirsk, 2010. Vol. 14. Pp. 113–117.
22. Tseitlin A. G. *I. A. Goncharov*. Moscow: AN SSSR Publ., 1950. 492 p.
23. Borowec Ch. *Time after Time: The Temporal Ideology of «Oblomov»* // *Slavic and East European Journal*. 1994. Vol. 38. N 4. Pp. 561–573.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ART LOGOS
(ИСКУССТВО СЛОВА)

Научный журнал

№ 2 (4)

Санкт-Петербург
2018